ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

2025. Том 18. Выпуск 3 | 2025. Volume 18. Issue 3

ISSN 2618-9690 (print)

Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Создание и деятельность национальных учебных заведений Степного края во второй половине XIX – нач. XX в.

Картбаева С. М.

Аннотация. Цель исследования – определение истории создания и деятельности национальных учебных заведений Степного края во второй половине XIX – начале XX века, а также изменений в содержании образования в них. В статье проводится анализ особенностей функционирования отдельных практик национального образования. Научная новизна предлагаемого материала заключается в выявлении динамики разных типов национального образования (религиозной школы, миссионерской школы, нескольких видов государственной (для подготовки переводчиков, интернаты и пансионы, русско-киргизские училища, аульные школы и др.)), содержания образования и организационных основ деятельности на восточных окраинах империи как инструмента русификации коренного населения и его культурной интеграции в сибирский социум. В результате выяснено, что развитие образовательных практик в отношении инородческого населения Степного края во второй половине XIX – начале XX века происходило в тесной связи с этапами национального образования, которые задавали изменения дискурса об инородческой школе и определялись подвижностью представлений имперской власти о целях и задачах колонизации региона в условиях массового переселенческого движения, притока крестьянства из европейской части страны, административного обустройства территории.

EN

Creation and activities of national educational institutions in the Steppe Region in the second half of the 19th and early 20th centuries

S. M. Kartbayeva

Abstract. The research aims to determine the history of the creation and activities of national educational institutions in the Steppe Region in the second half of the 19th and early 20th centuries, as well as changes in the content of education in them. The article analyzes the features of the functioning of individual practices of national education. The scientific novelty of the proposed material lies in identifying the dynamics of different types of national education (religious school, missionary school, several types of state schools (for training translators, boarding schools and boarding houses, Russian-Kyrgyz schools, village schools, etc.)), the content of education and the organizational foundations of activity in the eastern outskirts of the empire as a tool for Russifying the indigenous population and its cultural integration into Siberian society. As a result, it was found that the development of educational practices in relation to the indigenous population of the Steppe Region in the second half of the 19th and early 20th centuries occurred in close connection with the stages of national education, which set the changes in the discourse about the indigenous school and were determined by the mobility of the imperial authorities' ideas about the goals and objectives of colonizing the region in the context of mass resettlement, the influx of peasantry from the European part of the country, and the administrative organization of the territory.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена ростом масштабов национальных и религиозных движений, которые наблюдаются в последние годы в разных странах, все они неизбежно поднимают вопрос национального образования. Поэтому изучение истории расширения Российской империи к восточным границам и их преодоление во второй половине XIX – начале XX в., в результате чего происходило не только экономическое, но и культурное освоение новых территорий, что, в свою очередь, актуализировало в общественно-государственном

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250136

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

дискурсе процесс конструирования образа регионов, входивших в состав Российской империи, изобретения инструментальных приёмов, направленных на интеграцию территорий и людей в общеимперское пространство, может помочь найти оптимальные способы решения современных проблем. К числу таких важных инструментов российского культуртрегерства относилось образование, выполнявшее в исследуемый период функцию, обеспечивавшую легитимность российского влияния в инородческой среде Степного края. Оно рассматривалось государством как средство преодоления культурных различий между переселенцами из Европейской России и многочисленным коренным населением отдалённого региона. Актуальность в научном плане соотносится с решением широкого круга вопросов, связанных с обнаружением зависимости между изменениями дискурса российской власти и общества о потенциале и перспективах организации системы национального образования и развитием образовательных практик для инородческих сообществ.

Задачи исследования состояли в: определении теоретических оснований и источниковой базы исследования; осуществлении классификации типов национальных образовательных учреждений; определении этапов создания национального образования в Степном крае и их соотнесении с особенностями создания, деятельности разных типов национальных учебных заведений, а также с изменениями в содержании образования.

Для решения указанных задач использовались следующие методы: анализ методологических и теоретических работ по проблеме развития инородческого образования. Классификация, которая позволила выделить типы национального образования (в зависимости от принадлежности и реализации моделей). Историко-системный метод, который сориентировал автора в установлении системных связей между отдельными элементами объекта исследования: общественно-политическим дискурсом и спецификой деятельности национального образования.

Материалом для исследования стали документы официального делопроизводства, в которых закреплялись регламентирующие нормы деятельности национальных учебных заведений и фиксировались представления государства (и разных общественных акторов) о принципах культурной и образовательной политики как инструменте внутренней колонизации. Кроме того, в круг исследовательских материалов были включены статьи в средствах массовой информации того времени, в которых описаны существующие образовательные практики в контексте культурного выравнивания в Степном крае в условиях внутренней колонизации.

Теоретической базой исследования стали идеи «новой интеллектуальной истории», в которой доказана связь исторической реальности и дискурса (Р. Барт, М. Фуко), на основе которых было сделано предположение о зависимости динамики изменений в практиках национального образования на восточных окраинах от доминирующих установок в отношении национального образования, репрезентируемых в консервативном и либеральном дискурсах.

Важными для описания практик национального образования были труды чиновников, учёных, общественно-политических деятелей, непосредственно включённых в работу Министерства народного просвещения, местных органов власти, репрезентировавших представления об инородцах, законодательных и управленческих способах решения инородческого вопроса и формирования имперских подходов к организации образования и образовательной политики, объектом которой являлось коренное население восточных окраин в целом и Степного края в частности (Алекторов, 1905; Григорьев, 1900; Владимирский-Буданов, 1874; Куломзин, 1896). Для определения особенностей деятельности национальных ученых заведений, нормативных и методических оснований были использованы работы Ильминского (1892; 1913); Греховодова (1913). Исследования Ремнёва, Суворовой (2013) помогли определить имперский контекст развития национального образования.

Практическая значимость работы состоит в том, что её фактическая основа, предлагаемые методологические конструкции могут быть востребованы при подготовке и написании научных работ (статей, монографий) в системе координат проектов «новой истории империи» и «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагающих описания дискурсов и практик российской власти и общества в образовательной сфере окраинного мультикультурализма на разных стадиях отечественного исторического процесса, учебных пособий по истории образования Степного края, подготовке программ учебных курсов по отечественной и региональной истории.

Обсуждение и результаты

В Степном крае в указанный период (XIX – нач. XX в.) действовало несколько типов национальных учебных заведений (в которые принимали представителей инородческого населения, а в содержание образования был введен киргизский (казахский) язык). Создание и деятельность этих институций были связаны с изменением дискурса об инородческой школе, ее нормативно-правовым регулированием и другими контекстами (политическими, социокультурными, экономическими). Рассмотрим, как на разных этапах происходило развитие отдельных образовательных практик, в зависимости от принадлежности: мусульманские религиозные школы; миссионерские школы и государственные школы. Мы выделили несколько этапов в развитии национального образования в Степном крае на основе изменений дискурса и нормативных документов.

На первом этапе (1822-1868 гг.) в дискурсе власти проводилась идея о равных правах всех граждан на получение государственного образования. Российская империя игнорировала национальную специфику в деле организации образования на восточных окраинах империи, а ее адепты (чиновники) придерживались мнения, что все граждане империи должны обучаться на русском языке (Картбаева, 2024). Поэтому стояла задача адаптации инородцев к русской культуре через изучение русского языка и российской культуры, прежде всего православия как государственной религии Российской империи.

В статье об инородческом образовании отмечалось, что государство должно стремиться слить все мелкие народы в единую русскую нацию, тем самым русское государство исполнило бы свое «призвание державы христианской и европейски-образованной» (К вопросу об устройстве училищ…, 1867, с. 79).

Первыми учебными заведениями для инородцев в Степном крае были мусульманские школы, они стали открываться при мечетях в 1820-50 гг. До освоения Сибири киргизы (казахи) были язычниками, в правление Екатерины II в 1782 году вышел указ о построении мечетей у киргизов средней киргиз-кайсацкой орды: «было повелено построить … мечети, выбрав к тому удобные места, а при них школы и караван-сараи» (Обвесительная грамота…, 1830, с. 406). Государство, как писал А. Е. Алекторов, рассчитывало смягчить «дикие нравы киргизов исламом, не подозревая, что Коран – враг нововведения, враг исследования» (1905, с. 156).

Отсутствие четкой государственной линии по вопросу инородческого образования приводило к тому, что знатным киргизам можно было легко получать разрешение на строительство мечетей и школ при них. В результате чего «в 1865 году в ведомости от 23 августа о количестве школ и мечетей в Акмолинском округе перечислено 4 школы, из которых одна – при соборной мечети в Акмолинске, советника областного правления сотника Ногорбека Коченева, 2 – в Тюлек-Киреевской волости бия Мусы Кудосова и бия Сагыная Исова» (Далаева, 2018, с. 61).

Мусульманские школы были двух типов – мектебе и медресе. Анализ ряда источников: нормативных документов (Обзоры степных областей, Труды частного совещания и др.), статей современников (Греховодов, 1913; Страхова, 1901) показывает, что начальные школы были частными, их открывали муллы. Мектебы были начальными школами, где изучали первоначальную грамоту на тюркском и арабском языке, основные молитвы, сказания из жизни мусульманских святых. Как отмечает Е. Л. Бурдина, «содержание учебных книг состояло из догматов веры и нравоучительных рассказов, обыкновенно из жизни святых и пророков. Самым неизменным и постоянным учебником в мектебе был Коран, изучавшийся с начала и до самого конца курса» (Бурдина, 2007, с. 132). Занятия в летний период проходили в кибитках (юртах), а зимой строили землянки. Чаще всего кибитки под школу выделялись богатыми и знатными казахами в виде пожертвования, а землянки строились всем аулом. Школы перемещались вместе с кибиткой.

Помимо особого организационного устройства аульные школы отличались методикой преподавания: преподавание велось с каждым учеником по индивидуальной программе, поэтому длительность курса обучения зависела от успешности ученика. Мусульманские школы первоначально были мужские, только с конца XIX века стали появляться смешанные школы. Например, из 12 мекебов в Семипалатинской области в 1888 г. 2 были смешанными, но девочек обучали отдельно жены мулл (ЦГАРК, и- 64, оп.1, д. 395, л. 200 (об)).

Высших религиозных школ (медресе) в Степном крае было значительно меньше. В медресе осуществлялась подготовка духовенства, основу обучения составляло богословие. Как отмечается в трудах Частного совещания, «курс медресе чрезвычайно обширный и количество наук громадное» (Труды Частного совещания…, 1908, с. 70). В медресе изучали философию, логику, богословие, арабскую, персидскую и турецкую грамоту, историю и географию, медицину.

Методика обучения состояла в заучивании на первом этапе наизусть Аваль-и-ильм (мусульманский катехезис, книга важнейших вопросов и ответов в исламе) на персидском языке. Затем ученики изучали арабскую грамоту. Все предметы, которые входили в учебный план в медресе, так или иначе были связаны с исламом, например, юридический курс был посвящен нормам религиозного права, гражданских и уголовных законов, регламентирующих жизнедеятельность мусульман. Представление о положении ученика медресе (софте) дает автор статьи 1894 года: «Первые годы мальчик делается слугой старших учеников, муддариса и учителей. Он служит им и на посылках, и по домашним работам». Автор, описывая методику обучения, называет ее «мертвящей схоластикой, с бестолковым зазубриванием», ученики слушают «фантастические рассказы, принимаемые за неопровержимую истину» (Михайлов, 1894, с. 3).

На протяжении исследуемого периода политика в отношении мусульманской школы была нестабильной. Государство пыталось регулировать деятельность религиозной школы. Было принято несколько документов, которые вводили ограничения и контроль над школами, но под влиянием разных обстоятельств, выходили отменяющие документы (Временное Положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской вводило обязательные классы русского языка и требование знать государственный язык учителям (1868 г.); указ Александра III о закрытии классов русского языка (1882 г.); Распоряжение о допущении к преподаванию в религиозных школах исключительно «киргизов», русских подданных, получивших образование в России 1892 г.; Правила 1901 года и др.).

На такую позицию власти влияли изменения дискурса о национальной школе, его постепенный дрейф в сторону либерализации и комплекс причин (политических, административных, экономических), требовавших гибкого отношения к мусульманскому образованию. Поэтому мектебы и в конце XIX века оставались самой популярной в казахской среде формой начального обучения. По данным Т. Ю. Плахотник, в Акмолинской и Семипалатинской областях в 1885 году количество частных школ и численность учащихся в них были гораздо выше, чем в государственных училищах. Ею было подсчитано, что «из общего числа обучавшихся молодых “киргизов” в 1885 г. школы при мечетях предпочли 65,1% учеников в Акмолинской области, 100% в Семиреченской и 99,4% в Семипалатинской областях» (Плахотник, 2007, с. 47).

В начале XX века в мусульманском образовании началось обновленческое движение. Основная заслуга в этом принадлежит джадидизму. В Российской империи центром джадидизма становились Казань и Крым. Под влиянием джадидизма мусульманские школы реформировались: в содержании образования расширился

список общеобразовательных предметов; произошло изменение устаревшей методики обучения (за которую религиозные школы критиковали многие эксперты); обновились формы обучения. Сущность предлагаемых нововведений, которые были инициированы либеральным движением внутри мусульман, – введение звукового способа обучения арабской грамоте; перевод и печать на татарском языке учебных книг по истории, географии, арифметике. Новометодный мектеб оставался религиозным учебным заведением, но программа обучения была расширена за счет некоторых общеобразовательных предметов. Серьезные изменения были сделаны в организации образовательного процесса: вводились элементы классно-урочной системы – проводились групповые занятия, появились стабильная программа, расписание, набор учебных дисциплин. Еще одним новшеством учебного процесса стал «имтихан» (экзамен), который устраивался в конце каждого учебного года (в апреле), он проходил для всех учеников, включая первоклассников. Особенность организации экзамена была в том, что он был открытым, на него приглашались представители духовенства, родители учеников и все желающие (Бурдина, 2007, с. 20).

Появление такого типа национальной школы в Степном крае было ответом на запрос нарождающейся буржуазии. Ей нужна была школа, которая учила читать и писать (в том числе и на русском языке), дающая элементарные сведения из арифметики и географии, но сохранявшая направленность на религиозное воспитание. Несмотря на популярность новометодных школ в ряде регионов и городов, основная масса мусульман, особенно сельские жители, первоначально относилась к ним с недоверием (ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2131а, л. 3-19). Российская власть, опасаясь роста национального движения, пыталась ограничить распространение новометодных школ, но серьезно повлиять на развитие мусульманских школ в Степном крае до 1917 года она не могла.

Миссионерские школы в Степном крае

Помимо распространения русского языка и образования, важной частью имперской политики была христианизация инородческого населения, этим занимались христианские миссионеры. Миссионерские школы имели длительный опыт в деле воспитания инородцев в духе христианства, но в Степном крае эти практики были незначительными. Кроме элементарных начальных знаний (чтение, письмо, арифметика) «детям внушалось осуществлять в жизнь заветы Христа, братскую христианскую любовь к людям, отзывчивость к их нуждам и сострадание к живому миру. Одновременно разъяснялось о необходимости любви и глубокого почтения к родственникам, начальственным лицам, воспитателям» (ЦГАРК, и-142, оп. 1, д. 1117, л. 1).

Первая христианская миссионерская школа в Степном крае была открыта в 1887 г. при станице Щученской Кокчетавского уезда Акмолинской области с разрешения епископа Тобольского и Сибирского «на средства, отпускаемые Тобольским Епархиальным Комитетом Православного Миссионерского общества и прихода Кокчетавского благочиния» (ЦГАРК, и-64, оп. 1, д. 395, л. 245).

Большие надежды на успешную миссионерскую деятельность среди казахов связывали с деятельностью Киргизской миссии, она была создана в 1895 г. в связи с образованием Омской епархии с центром в Заречной слободе г. Семипалатинска (Лысенко, 2011, с. 41).

В отчете Сергия, Епископа Омского и Семипалатинского, о состоянии Омской епархии за 1901-1902 гг. отмечалось, что «киргизская миссия имеет своею целью распространение православия среди инородцев киргизов-магометан; во главе этой миссии стоит начальник оной – ныне Архимандрит Владимир; помощник начальника Миссии – ныне иеромонах Киприан, состоит вместе с тем и благочинным миссионерских церквей (8); миссионерское благочиние является уже 28» (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1965, л. 2).

Изменил направленность работы миссий указ от 17 апреля 1905 года о веротерпимости, деятельность русской православной церкви в Степном крае после это была направлена в основном на переселенцев. В 1907 году на Частном совещании по разным вопросам жизни инородцев представители инородческого общества выступали с предложением запретить миссионерство в Степном крае, но большая часть членов совещания высказалась категорически против этого, указывая на государственный статус христианства (Труды Частного совещания…, 1908, с. 63).

Государственные училища для подготовки переводчиков

На первом этапе, помимо религиозных школ, был только один тип учебных заведений, в учебный план которых входили инородческие языки, а в число учеников – киргизы (казахи). В конце XVIII века (1789 г.) было открыто училище азиатских языков при гарнизонной школе Омска (Омская азиатская школа). В училище кроме детей казаков, солдат и чиновников принимали детей инородцев, состоящих на службе государства, которые имели военные или гражданские чины. В училище воспитанники получали начальное образование, но главным было изучение иностранных языков (татарского, маньчжурского, монгольского). «В списках учащихся школы в 1790 году значились 12 казачьих детей, 6 солдатских и 7 инородцев. Ученики выпускались по мере приобретения достаточных знаний и потребности государства в переводчиках» (Чуркина, 2012, с. 298).

Подготовка переводчиков продолжилась в 1818 году в казачьем линейном училище, который с 1845 года стал кадетским корпусом. Это было крупнейшее в регионе среднее учебное заведение, в числе обучающихся были представители казахской верхушки. Дети киргизов (казахов) пользовались льготой – их принимали в корпус без экзаменов. В сибирском кадетском корпусе было введено обучение инородческим языкам, там готовили толмачей для степных управлений. В учебных заведениях, открытых в первый период (до 1868 г.), организация

образования не имела отличий от министерских училищ. Поэтому инородцы, которые оканчивали русские государственные учебные заведения, осваивали не только русский язык, но и русскую (европейскую) культуру.

Инородцы обучались в Омском уездном училище, открытом в 1858 году, в нем преподавали татарский и киргизский язык. В 1861 году по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири преподавание татарского языка было отменено. В статье журнала Министерства народного просвещения описаны все изменения данного учебного заведения, которое из уездного училища стало начальной военной школой, а в 1868 году было преобразовано в военную прогимназию (Алекторов, 1905, с. 160). На протяжении всей истории существования этого заведения под разными названиями сохранялась его задача подготовки переводчиков. В 1879 году отделение переводчиков было закрыто, во многом это было связано с тем, что потребность в переводчиках могли закрывать представителями инородцев, окончивших русские учебные заведения.

Если в учебных заведениях, открытых в первой половине XIX века, инородцев было мало, то деятельность школы при Омском областном правлении сибирских киргизов регламентировало специальное «Положение о школе для казахских детей» от 3 июля 1857 г. Школа находилось под наблюдением военного губернатора, средства на содержание включались в смету Министерства внутренних дел (МВД). Положение определяло количество воспитанников (20 человек), их социальное положение (дети знатных киргиз). Одной из задач школы была подготовка из числа представителей инородческих (казахских) молодых людей грамотных мелких чиновников при волостных правлениях. На эти должности по нормативным документам могли назначаться только киргизы (казахи). В школу принимали мальчиков от 10 до 13 лет включительно, продолжительность обучения составляла 6 лет. Учебный план включал: русский язык, чистописание русское и татарское, арифметику и способ счисления на счетах, татарский язык, закон магометанский, составление деловых бумаг и общие понятия о российском законоположении.

Анализ Положения показывает, что в организации этой школы попытались учесть условия жизни казахского населения, для чего в летние каникулы учеников отправляли на кочевку в ближайшее и удобное место, одежда учеников должна была соответствовать национальной. Выпускники этой школы также становились чиновниками военного ведомства.

Пансионы и интернаты

Распространение идей либерального дискурса, представители которого предлагали учитывать специфику инородческого населения и создавать особые условия (обучения и жизни) для воспитанников, привело к появлению на втором этапе пансионов и интернатов. Необходимость создания именно такой формы образования была связана с условиями жизни казахов. М. В. Стурова относит к недостаткам интернатов то, что они открывались только в областных и уездных центрах, «что снижало привлекательность для казахского населения, занимавшегося полукочевым скотоводством» (2018, с. 90).

Назначение интернатов состояло в обучении детей инородцев русскому языку как необходимому условию для поступления в государственные училища и приобщении их к оседлым занятиям и ведению домашнего хозяйства. Как отмечал А. Е. Алекторов, «интерны обучались русской грамоте и ремеслам», но популярностью эти учебные заведения не пользовались, непривычные условия жизни, питание и др. приводило к тому, что «инородцев обучалось мало» (Алекторов, 1905, с. 162).

По данным казахстанских исследователей в 1870-х гг. в Степном крае стали создаваться интернаты, они были открыты в Семипалатинской области (5 мужских и 3 женских интерната). Особую сложность составляло открытие женских интернатов. В Акмолинской области в декабре 1877 года был открыт женский интернат, на начало обучения в нем было 25 девочек. В Атбасарском уезде при учреждении интерната на 7-8 воспитанниц столкнулись с отсутствием подходящих помещений и нежеланием киргизских обществ выделять средства на его содержание. Во всех местностях были проблемы с поиском учениц для обучения в интернате (Тулеулова, Шотбакова, Смагулова, 2018, с. 1610).

В 1881 году школа при Омском областном правлении сибирских киргизов была преобразована в пансион для русских и киргизских детей (по 10 детей каждой национальности). Деятельность пансиона была определена в документе «Об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях Западной Сибири» (1883, с. 2204). Мальчики жили в пансионе, а обучались в приходском уездном училище и учительской семинарии г. Омска. Отличие данного учебного заведения состояло в том, что его выпускников готовили к учительской деятельности.

Особенность пансионов была и в условиях организации: учредителем пансиона являлся учитель, который осуществлял надзор за воспитанниками. Указанный выше документ закрепил размер поощрения содержателям пансионов (100 рублей в год) и возможность получения пенсии, которая была связана с количеством доведенных до выпуска воспитанников (Об устройстве училищной части…, 1883, с. 2210). В 1885 году при Омской мужской гимназии была открыта квартира для киргизских мальчиков (20 человек стипендиатов Семипалатинской и Акмолинской областей).

На развитие интернатов и вообще женского образования в Степном крае оказывали влияние губернаторы, которые считали заботу об образовании девушек своим личным делом. По инициативе генерал-губернатора Степного края Г. А. Колпаковского в 1885 году интернаты были преобразованы в сельскохозяйственные школы. В этих школах должны были обучаться в основном дети инородцев. Главным направлением образования в интернатах было изучение русского языка, а также ремесла (шорного, сапожного, столярного).

Исследователи приводят мнение губернатора края Г. А. Колпаковского, который в 1887 году, изучив результаты деятельности интернатов, предлагал обучать казахских девушек полезным для жизни в степи занятиям: уходу за скотом, птицей, изготовлению масла, сыра; изготовлению изделий из шерсти, пуха и шкур животных и т. д. Он даже предлагал уездным начальникам способствовать выдаче их замуж за выпускников сельскохозяйственных и фельдшерских школ (Тулеулова, Шотбакова, Смагулова, 2018, с. 1617).

Таким образом, несмотря на потребность в развитии национального образования, интернаты и пансионы не пользовались популярностью, особенно женские интернаты, так как казахи не понимали необходимость образования для девочек, даже начального. Поэтому в 1888 году женские интернаты были закрыты, девочки могли поступить в омскую гимназию, и через несколько лет на запрос от киргизских обществ на восстановление некоторых из них Частное совещание вынесло решение, что по Положению при аульных школах могут открываться общежития, поэтому интернаты не нужны (Труды Частного совещания, 1908, с. 84).

Государственные учебные заведения

К особому типу национальной школы мы относим государственные учебные заведения, которые создавались специально для обучения инородцев. После дискуссии, начатой со статьи Министерства народного просвещения 1867 года о путях развития инородческого образования, поддержку власти получил опыт и система Н. И. Ильминского (Сборник документов…, 1869, с. 10). Суть этой системы состояла в первоначальном обучении инородческих детей на родном языке (1-2 года) с последующим обучением на русском языке. Причем, Ильминский и его соратники разработали учебные книги на инородческих языках (татарском и чувашском), используя буквы славянского алфавита. Эта методика до оформления в виде законов и положений была апробирована в ряде учебных заведений (школа в Казни для татарских детей (1864 г.)).

Результатом активной деятельности сторонников Ильминского и дискуссий о путях развития инородческого образования стали «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., которые разделялись на две части: для инородцев-христиан и инородцев-мусульман. Для каждой группы были сформулированы своя цель и методика обучения. У инородцев-мусульман занятия должны были в первый год проходить на родном языке, таким образом, только через год начиналось изучение русского языка. Но реализация данных правил затянулась в регионе на 30 лет.

Только в 1872 г. вышло «Положение о городских училищах» на основе которого были учреждены и содержались в дальнейшем за счет средств государства первые русско-киргизские учебные заведения: были открыты четыре городских училища в Семипалатинской области: Семипалатинске, Устькаменогорске, Павлодаре и Каркалинском городском поселении (ЦГАРК, и-64, оп. 1, д. 395, л. 196). В результате разработки положения «Об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» с 1 июля 1881 года было принято решение учредить в областях по одному училищу, предоставив Министерству народного просвещения согласовать с местным Генерал-Губернатором учебный курс и внутренне устройство (Об устройстве училищной части…, 1883, с. 2204).

Несмотря на поддержку и стремление государства включить инородцев в систему государственных училищ, по подсчетам Т. Ю. Плахотник, к 1885 году русско-киргизских школ насчитывалось: «в Акмолинской области – 2 городских начальных училища и 1 уездное; в Семипалатинской области – 4 городских училища; в Семиреченской области – 5 городских училищ и также ни одного уездного. Во всех областях обучалось 164 воспитанника» (Плахотник, 2007, с. 47-49).

Сдерживало развитие сети школ не только недоверие к ним со стороны местного населения, но и недостаток средств. Кибиточный сбор оставался неизменным с 1860-х гг., повышать его власть не решалась. Несмотря на то, что, как отмечают исследователи, «региональные власти пытались решать проблему, фактически ежегодно обращаясь в Министерство финансов и Министерство народного просвещения с ходатайством “об отпуске из казны” дополнительных средств на строительство новых школ с интернатами и на содержание уже функционировавших учебных заведений», но средства из казны отпускались очень ограничено» (Лысенко, Жанбосинова, Омурова, 2021, с. 139).

Под влиянием идей либерального дискурса была предпринята попытка приобщить инородцев к современным видам производства, продуктивным видам сельского хозяйства. С этой целью в 1880-х гг. стали создаваться при поддержке губернатора сельскохозяйственные школы, технические училища и ремесленные классы. В течение десяти лет были открыты сельскохозяйственные школы, по одной в каждом уезде: пять в Акмолинской области и в Семипалатинской области (Учебные заведения…, 1895, с. 454-455).

Только с началом третьего этапа, когда влияние либерального дискурса стало более заметным, начинается массовое развитие государственных инородческих школ. Для обсуждения вопроса о возможных моделях инородческих государственных школ в 1896 году с представителями разных ведомств (в том числе и Министерства народного просвещения) были проведены особые совещания. На основе этих совещаний были разработаны и утверждены в 1901 году правила для аульных школ Акмолинской и Семипалатинской областей. По этому документу для инородческого населения в указанных областях создавались аульные подвижные училища, курс обучения в которых был приравнен к сельским училищам, и второй тип – волостные русско-киргизские училища. Существующие ранее школы преобразовывались в двухклассные русско-киргизские училища. Таким образом, впервые был создан специально адаптированный к условиям кочевой жизни и культуре казахов тип школы. Обучение осуществлялось на казахском языке, но, так же, как и в системе Ильминского,

основной целью обучения являлось изучение инородцами русского языка. Правильность избранной модели национальной школы (аульная школа) подтверждается темпами открытия таких школ в Западной Сибири. Через пять лет после выхода нормативного документа действовало четыре волостных киргизских училища и 40 аульных школ. М. В. Стурова называет этот тип школ инородческими школами, а модель, которая в них была реализована «синтезной» (2018, с 90). Эта модель, основанная на методике Н. И. Ильминского, предполагала только после начального обучения на казахском языке переходить на русский язык. В русско-киргизских училищах в условиях совместного обучения русских и казахских мальчиков процесс изучения русского языка был более легким. Кроме того, менее жесткой была позиция в отношении Закона Божьего – казахские ученики освобождались от его изучения.

Аульные школы создавались в казахских аулах (кибитках), срок обучения в них был двухгодичным. В учебный план входили изучение русского и родного языка, арифметика, обучение велось на родном языке. Система преподавания была классной. Исследователи приводят историю создания аульных школ в Семипалатинской области. Первая школа была открыта при участии волостного управителя Нарынбека Бондукова в Каркаралинском уезде, он был в ней учителем. В Акмолинской области первоначально была открыта Худайбергеневская школа (Тулеулова, Шотбакова, Смагулова, 2018, с. 1618). Школы второго типа предполагалось открыть к моменту первого выпуска из аульных школ. Школы повышенного уровня должны были готовить учителей для аульных школ.

Знакомый и понятный для казахов способ устройства аульных школ и перспективы получения государственных должностей в системе местного управления приводили к тому, что «казахское население отнеслось к аульной школе “сочувственно”» (Лысенко, Жанбосинова, Омурова, 2021, с. 143). Кроме того, стимулировало интерес к аульной школе то, что «в 1896 г. МВД утвердило положение, согласно которому на должности волостных правителей в органы местного самоуправления могли быть назначены кандидаты, окончившие русско-киргизскую аульную школу или другое государственное образовательное учреждение» (Лысенко, Жанбосинова, Омурова, 2021, с. 143).

Аульные школы, как близкие к месту жительства и более дешевые для местного населения, пользовались популярностью. Поэтому стали поступать запросы от представителей казахского населения об учреждении школы, высказывалась готовность выделить помещение для школы. В результате активного включения в процесс развития сети аульных школ местного населения их количество быстро увеличивалось. Так, в обращении к Попечителю Западно-Сибирского учебного округа Директор начальных народных училищ Акмолинской области отмечал, что «в 1899 году на всю область было только два сельских училища. В настоящее время 110. Но при дальнейшем развитии сети инородческих училищ рассчитывать на помощь населения не приходится, так как в Сибирь пришли в большинстве своем «бедные и обнищавшие люди» (Алекторов, 1905, с. 165).

Сдерживалось развитие школ недостатком учителей. Главным требованием было знание казахского языка сдавших экзамен на звание учителя начальной школы. В аульных школах также могли работать выпускники учительских семинарий, но их не хватало на растущую сеть государственных учебных заведений.

Публикация в 1907 г. проекта о введении всеобщего образования в Российской империи, который предусматривал создание сети начальных школ во всех районах империи, предполагала охват всех детей в возрасте от 7 до 11 лет начальным образованием. Он был рассчитан на 10 лет. В результате активизации деятельности всех заинтересованных сторон значительно выросло число образовательных учреждений. На 1902 год в Акмолинской области действовало 6 школ, количество учащихся в каждой было около 20. Через 10 лет численность школ выросла почти в десять раз (53), а численность учеников составляла 870. В 1914 г. в одной только Омской волости работало 8 аульных школ, в Курганской – 5, Николаевской – 3, Текинской – 6, Покровской – 2 (Бу ИсА, ф. 8, оп. 1, д. 6, л. 7). Всего в волостях Омского уезда Акмолинской области в 1914 г. действовало 24 школы, в 1915 г. 84 аульные школы обучали 1273 «инородца» (Обзор Акмолинской области…, 1916, с. 69).

Заключение

Проведенный анализ теоретических материалов, архивных источников и материалов средств массовой информации позволяет сделать вывод, что на протяжении исследуемого периода на территории Степного края происходило постепенное развитие разных образовательных практик, которые можно отнести к национальной школе. Создание и деятельность этих институций были связаны с изменением дискурса об инородческой школе, ее нормативно-правовым регулированием и другими контекстами (политическими, социокультурными, экономическими). Если на первом этапе государство заявляло о формальном равенстве инородцев в получении государственного образования, старалось не замечать национальной специфики и факта существования в регионе религиозной мусульманской школы, то на втором этапе, понимая важность выстраивания гармоничных отношений с местным обществом, испытывая необходимость в инородческих кадрах, оно стало развивать инородческие учебные заведения, которые могли быть совместными или самостоятельными, что создавало оптимальные (на взгляд власти) условия обучения детей казахов (в виде интернатов и пансионов). В границах третьего этапа происходит постепенное сближение моделей национальной школы, которые транслировали консервативный и либеральный дискурсы, а также инородческой интеллигенции. И мусульманская, и государственная школы постепенно вышли на общий подход в построении школьного образования. Подъем религиозного течения в исламе, развитие новометодных школ, либерализация отношения к инородческому образованию после выхода законов о веротерпимости привели к тому, что национальная школа стала не только школой, где первоначальное обучение строилось на родном языке, но и школой, где ученики

могли знакомиться с основами родной религии, читать национальные книги и все это под руководством учителей – соплеменников или хорошо знающих казахский язык.

Перспективными линиями нашего исследования являются анализ нормативных документов, теории и практики подготовки педагогических кадров для национальной школы Степного края, обнаружение связи этого процесса с трансформацией дискурса о национальном образовании.

Материалы исследования | Research materials

1. Алекторов А. Е. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 12.
2. БУ ИсА (Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области»). Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2131а. Л. 3-19.
4. К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 124.
5. Михайлов В. Как учатся софты // Киргизская степная газета. 1894. 30 января.
6. Обвесительная грамота средней Киригиз-Кайсацкой орды Салтанам, Старшинам и всему народу // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXI. № 15.352.
7. Обзор Акмолинской области за 1915 г. Омск: Тип. Акмолинского обл. стат. ком., 1916.
8. Положение о школе для казахских детей от 3 июля 1857 г. https://myaktobe.kz/archives/38545
9. Об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях Западной Сибири // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. Царствование императора Александра II. 1877-1881. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1883.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 2.
11. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1869.
12. Страхова М. Эволюция воспитания у различных народов // Русская школа. 1901. № 7.
13. Труды Частного совещания, созванного 20-го мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908.
14. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения (справочная книга, составленная по официальным сведениям к 1-му января 1895 г.). СПб., 1895.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). И-142. Оп.1. Д. 1117. Л. 1.
16. ЦГА РК. И-64. Оп.1. Д. 395. Л. 200 (об).
17. ЦГА РК. И-64. Оп. 1. Д. 347. Л. 194.

Источники | References

1. Бурдина Е. Л. Становление и особенности развития инородческой школы в России во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере школ для татар Поволжья: автореф. дисс. … к. пед. н. М., 2007.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Государственное народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. Ярославль: Тип. Г. Ф. Фалька, 1874.
3. Греховодов М. Н. Народное образование среди киргизского населения Петропавловского уезда Акмолинской области. Казань: Центральная тип., 1913.
4. Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1900.
5. Далаева Т. Т. Организация школ в казахской степи (XIX – нач. XX вв.): практика включения в российское социокультурное пространство // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. № 1.
6. Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892.
7. Ильминский Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской крещено-татарской школе. Казань, 1913.
8. Картбаева С. М. Инородческое образование как инструмент колонизации Степного края в дискурсе имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в. // Культурный код. 2024. № 4. https://doi.org/10.36945/2658-3852-2024-4-115-129
9. Куломзин А. Н. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь (1896-1897 гг.). СПб.: Гос. тип., 1896.
10. Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане. Барнаул, 2011.
11. Лысенко Ю. А., Жанбосинова А. О., Омурова Ж. О. К вопросу о развитии русско-казахской аульной школы в областях Степного края (середина XIX – начало XX века) // Вопросы истории. 2021. № 10 (2). https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi59
12. Плахотник Т. Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: дисс. … к. ист. н. Омск, 2007.
13. Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2013.
14. Стурова М. В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16).

15. Тулеулова Б., Шотбакова Л. К., Смагулова Г. М. Формирование системы школьного обучения казахского населения Центрального Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2018. № 50.
16. Чуркина Н. И. Становление педагогического образования в Западной Сибири во второй половине XIX – 1919 гг.: дисс. … д. пед. н. Омск, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU

Картбаева Сайран Максовна[1]
[1] Омский государственный педагогический университет

EN

Sairan Maksovna Kartbayeva[1]
[1] Omsk State Pedagogical University

[1] *kartbaevasairan@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2025; опубликовано online (published online): 25.07.2025.

Ключевые слова (keywords): национальное образование; инородческое образование; дискурс об инородческой школе; Степной край; образовательная политика Российской империи; national education; indigenous education; discourse about the indigenous school; Steppe Region; educational policy of the Russian Empire.